

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Е.С. Аничкин, А.А. Васильев, Н.Д. Усвят

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
29 декабря 2021 г.
Дата принятия в печать –
11 апреля 2022 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2022 г.

Ключевые слова

Европейский Суд по правам человека, международный договор, правовая позиция, Конституционный Суд, Верховный Суд, внутригосударственное право, наднациональное право, интернационализация

Посредством анализа законодательства, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ выявлены проблемы толкования ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Судебные правовые позиции по вопросам соотношения международного и отечественного права разделены на две группы: о взаимодействии международных договоров с внутренним правом России и об оценке инкорпорации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в правовую систему России. Сделан вывод, что консолидирующими идеями всех судебных правовых позиций являются безусловный приоритет Конституции РФ, необходимость разграничения нормативного содержания международного договора с участием Российской Федерации и актов официального толкования уполномоченным органом его норм, а также стремление к сохранению конституционной самобытности России.

INTERNATIONALIZATION OF DOMESTIC LAW IN THE CONTEXT OF LEGAL POSITIONS OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT AND THE RUSSIAN SUPREME COURT**

Evgeny S. Anichkin, Anton A. Vasiliev, Nadezhda D. Usvyat

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –
2021 December 29
Accepted –
2022 April 11
Available online –
2022 June 20

Keywords

European Court of Human Rights, international treaty, legal position, Constitutional Court, Supreme Court, domestic law, supranational law, internationalization

The article is aimed at identifying legal positions on the relationship between international and domestic Russian law in the decisions of Russian Constitutional Court and Russian Supreme Court.

The purpose of the article is to confirm or disprove hypothesis that the practice of Russian Constitutional Court and Russian Supreme Court significantly changed the content of norm of Russian Constitution that recognizes generally recognized principles and norms of international law and international treaties as part of the Russian legal system.

The methodological basis of the study was formed by both general scientific methods (dialectical, analysis and synthesis, induction and deduction) and special methods (synergistic, systemic-structural and formal-legal).

The main results, scope of application. The main body of the article covers three interrelated issues. Firstly, the problems of interpretation of Pt. 4 of Art. 15 of the Russian Constitution. These problems are summarized to the ratio of the categories “generally recognized principles of international law” and “generally recognized norms of international law”, to possible contradictions between the current international treaty with the participation of Russia and the provisions of the Russian Constitution as well as to exceptions from the priority of international treaties over the domestic law of Russia. Five such exceptions

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-511-18002 «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».

** The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-511-18002 “Hierarchy and Coordination of Sources of Law in Contemporary National Legal Systems of Russia and Bulgaria”.

are highlighted: the unconditional primacy of the Russian Constitution; domination of an international treaty only in the event of a conflict of its norms with the internal law of Russia; the presence in an international treaty of dispositive norms that are inferior to domestic law; taking into account the level of legal force when determining the correlation of an international treaty with the sources of national Russian law; implementation of an international treaty as self-executing or non-self-executing, when the priority of the latter directly depends on the adoption of an appropriate normative act of domestic law.

Secondly, the system of legal positions of the Russian Constitutional Court on the relationship between international and domestic law and their target mission is considered. The legal positions on the issue under study are divided into two groups - on the interaction of international treaties with the domestic law of Russia and on the assessment of the prospects for the incorporation of the legal positions of the European Court of Human Rights into Russian legal system and the limits of its jurisdiction. The consolidating basis of all judicial legal positions is the unconditional priority of the Russian Constitution, the need to differentiate the normative content of an international treaty with the participation of the Russian Federation and acts of official interpretation by the authorized body of its norms, as well as the desire to preserve the constitutional identity of Russia.

Thirdly, the subject of reflection was the limits of the internationalization of domestic law. Conclusions. There is an obstacle to the further internationalization of domestic law. It is the presence of spheres of public and state life that cannot and should not be included in the subject of international legal regulation and are subject exclusively to domestic legal impact. In addition, the framework of internationalization is due to the conflict with the state sovereignty of Russia and the desire to ensure the inviolability of the foundations of the constitutional order and national interests, and to ensure the country's constitutional identity.

1. Введение

Процессы интернационализации российского права, получившие свой импульс еще в середине 1990-х гг., стали одной из явных закономерностей развития отечественной правовой системы в постсоветский период. Несмотря на суверенитет Российского государства и самобытность национально-правовой системы нашей страны, следует констатировать, что она испытывает заметное влияние международного права. Такое состояние обусловлено рядом факторов, в том числе общей тенденцией глобализации современного мира, стремлением России к усилению интеграции с зарубежными странами, а также положениями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, способствующими консолидации наднационального и внутригосударственного права. При этом общее усложнение в последние годы международной обстановки, активная антироссийская санкционная политика и попытки изолировать нашу страну на международной арене сохранили в целом указанную закономерность развития отечественного права, но с некоторыми, обусловленными временем, коррективами. Учет конвергенции национального и международного права является одним из направлений правовой политики нашего государства [1].

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ установлено следующее: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры

Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Как видно, Конституция РФ исходит из включенности общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовую систему России и приоритета (примата) последних над внутренним законодательством. Данный подход не является оригинальным и в настоящее время наблюдается во многих зарубежных странах, например во Франции, Бельгии, Швейцарии, Чехии, Польше, Украине, Болгарии [2; 3].

Несмотря на однозначное, на первый взгляд, содержание указанной нормы, конституционная практика высветила необходимость ее смысловых уточнений. В этой связи в рамках настоящей статьи хотелось бы рассмотреть три взаимосвязанных и малоисследованных сегмента заявленной темы: выявленные конституционной судебной практикой проблемы толкования ч. 4 ст. 15 Конституции РФ; система правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросу соотношения международного и внутреннего права; пределы интернационализации отечественного права.

Основная дискуссия сводится к различию во взглядах тех, кто обосновывает абсолютный харак-

тер интернационализации российского права [4, с. 39–40; 5, с. 33; 6, р. 424–425], и тех, кто допускает исключения из конституционных положений о приоритете международного права в пользу внутреннего права [7–9]. Авторы придерживаются второго подхода, анализируя выявленные в ходе развития текущего законодательства, а также судебной практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ случаи доминирования внутреннего российского права над международными договорами.

Основная научная новизна данной статьи состоит в систематизации правовых позиций Конституционного суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросам инкорпорации международного права в правовую систему России и дедуцировании их телеологической общности. Слабая изученность судебных правовых позиций по заявленной теме, сложность и дискуссионность данной проблематики на фоне ее практической актуальности несомненно свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования.

Методологической основой исследования стал широкий комплекс общих и специальных методов научного познания. В качестве общенаучных методов были использованы диалектический, анализ и синтез, индукция и дедукция. В качестве специальных методов были применены синергетический, системно-структурный и формально-юридический.

Общенаучные методы, в особенности диалектический, позволили изучить условия и процесс эволюции конституционно-судебного осмысления взаимодействия международного и внутреннего права с учетом меняющегося общественно-политического контекста. С помощью синергетического метода осуществлен анализ межотраслевой коммуникации национального конституционного права и наднационального правового регулирования. Системно-структурный метод применялся в ходе изучения иерархических, пространственных и предметных аспектов соотношения международного и внутрироссийского права. Посредством формально-юридического метода было произведено исследование доктринальных, законодательных и конституционно-судебных источников, позволивших сформировать логику изложения материала и понятийный аппарат заявленной темы.

2. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ: проблемы толкования

Несмотря на 28-летний срок действия Конституции РФ, положения ч. 4 ст. 15 до сих пор вызывают не-

которые вопросы, не нашедшие четкого ответа в текущем законодательстве, правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ и правоприменительной практике иных федеральных судов. К числу таких вопросов можно отнести следующие.

Во-первых, не совсем ясна разница между категориями «общепризнанные принципы международного права» и «общепризнанные нормы международного права». Попытка дать разъяснение по этому вопросу была предпринята в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно п. 1 которого под общепризнанными принципами международного права следует понимать «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо». Под общепризнанной нормой международного права, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, следует понимать «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»¹. По существу, в указанных определениях заметные различия отсутствуют, пожалуй, с той лишь разницей, что в отношении принципов дополнительно используется характеристика «основополагающие». Соответственно, граница между этими правовыми понятиями остается размытой и подвижной.

В доктрине также считается, что вопрос об общепризнанности принципов и норм международного права в каждом конкретном случае должен решаться правоприменителем с привлечением в необходимых случаях экспертов [10, с. 203]. В этой связи М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев резонно замечают, что такого рода понимание «делает практически невозможным использование принципов в практике судов, поскольку существование формы права не может носить неопределенный характер, зависящий от субъективного мнения эксперта» [11, с. 137].

Во-вторых, остается открытым вопрос о том, как поступать в случае, когда выявляется противоречие действующего международного договора с участием России положениям Конституции РФ. В соответствии с пп. «г» п. 2 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции РФ «не вступивших в силу международ-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

ных договоров Российской Федерации». Такие дела в практике Конституционного Суда РФ уже были², но они не касались и не могли касаться проверки конституционности международных договоров, которые уже вступили в силу. Напротив, Конституционный Суд РФ в многочисленных отказных определениях подчеркивал отсутствие у него полномочий по проверке на предмет соответствия Конституции РФ тех международных договоров, в которых Россия уже участвует³. С другой стороны, ст. 22 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» предусматривает: «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке»⁴.

Следовательно, в любом случае через внесение необходимых текстуальных изменений в Конституцию РФ либо через блокировку наметившегося участия России в международном договоре предусмотрены превентивные меры в целях недопущения коллизии между Основным законом и международным договором. Безусловно, это правильно, но возможность появления таких противоречий исключать нельзя. Они могут произойти из-за последующего внесения поправок в Конституцию РФ или ее пересмотра в установленном порядке, а также в связи с обновленным официальным пониманием тех или иных норм Конституции РФ в процессе изменения конституционной практики. Какой орган в такой ситуации должен решать этот вопрос и каковы варианты его решения? Видимо, со стороны России необхо-

димо будет отказаться от дальнейшего участия в договоре в связи с существенно изменившимися обстоятельствами либо инициировать процедуру внесения соответствующих поправок в сам международный договор, что вполне осуществимо при небольшом количестве государств-участников и их заинтересованности в дальнейшем действии договора.

В-третьих, правило ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритетном применении международного договора в случае противоречия его нормам норм закона сформулировано и воспринимается как абсолютное, хотя юридической практике известно немало исключений из него. Такого рода исключения вносят смысловые коррективы в указанную конституционную норму и сужают сферу ее действия, а именно:

1. Примат международного договора не затрагивает Конституцию РФ, которая обладает высшей юридической силой в рамках правовой системы России (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), на что не раз было обращено внимание исследователей [12, с. 249–253; 13, с. 228] и о чем с позиции практики Конституционного Суда РФ подробнее будет сказано ниже.

2. Исходя из буквального смысла ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, первичное применение международного договора и его доминирование над нормами внутрироссийского права актуально только в случае противоречия между положениями международного договора и собственно внутренними нормами права. По обоснованному мнению С.Ю. Марочкина, «отдавать предпочтение договору, если он не предусматривает иных правил, чем закон, нет оснований, целесообразно в таком случае применять закон» [7, с. 22]. Близкая позиция сформировалась и в немецкой юридической доктрине [14, с. 25]. Однако, как нами было замечено ранее [15, с. 76], вполне допустимым представляется синхронное применение

² Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4169; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1527.

³ Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Комилесбизнес» на нарушение конституционных прав и свобод параграфом 3 статьи 16 Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении от 23 апреля 2020 г. № 911-О // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был); Определение Конституционного Суда РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности статей 2, 3 и 12 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 29 апреля 1999 г. № 62-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

⁴ Российская газета. 1995. 21 июля.

международного договора и закона, т. е. одновременное наличие в правоприменительном акте ссылок на оба источника права.

3. В отдельных международных договорах встречаются диспозитивные по отношению к национальному законодательству договаривающегося государства нормы. Так, согласно п. 3 ст. 14 bis Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (в ред. 1955 г.) «если национальным законодательством не устанавливается иное, положения вышеуказанного пункта (2) (b) не применяются к авторам сценариев, диалогов и музыкальных произведений...»⁵. Подобного рода нормы допускают включение в национальное законодательство договаривающейся страны иных, т. е. несовместимых с международным договором предписаний, подлежащих первоочередному применению.

4. Принципиальное значение для соотношения международных договоров с внутренними нормативными правовыми актами имеет уровень юридической силы международного договора, на что уже указывалось в литературе [16, с. 63]. Как известно, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» проводит различия между межгосударственными, межправительственными и межведомственными договорами (п. 2 ст. 3). Их дифференциация обусловлена не только различием в органах, заключающих договор, но разным уровнем юридической силы нормативных правовых актов, посредством которых договоры инкорпорируются в правовую систему России: межгосударственные договоры, как правило, в форме федерального закона о ратификации, а межправительственные и межведомственные договоры, напротив, – в форме постановлений Правительства РФ и ведомственных нормативных актов. Следовательно, положения межгосударственного договора обладают более высокой юридической силой по сравнению с федеральным законом, а межправительственные и межведомственные международные договоры приоритетны лишь по отношению к нормативным правовым актам, соответственно, правительственного или ведомственного уровней. Данная правовая позиция получила закрепление в вышеупомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей

юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 8). В более раннем Постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» Пленум Верховного Суда РФ уточнил более определенно: речь в ст. 15 Конституции РФ идет о международном договоре, «решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона»⁶.

5. Приоритет международного договора действует по-разному в зависимости от порядка его осуществления. По данному критерию договоры подразделяются на самоисполнимые и несамоисполнимые: если самоисполнимый договор не требует издания внутригосударственных нормативных правовых актов для его применения и регулирует общественные отношения непосредственно, то действие несамоисполнимого договора зависит от принятия необходимых внутренних нормативных правовых актов, в связи с чем оно находится в зависимости от национального нормотворчества. Этот нюанс нашел отражение в п. 5 и 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. Так, международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.). В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ уточняет: «международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ)»⁷. Иными словами, приоритет несамоисполнимого междуна-

⁵ Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 2.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного

родного договора в течение некоторого времени может быть не реальным, а номинальным.

3. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о соотношении национального и международного права

Несмотря на перечисленные проблемы, необходимо признать, что международно-правовой сегмент в рамках российской правовой системы занимает солидное место и находится в постоянной и тесной коммуникации с внутригосударственной правовой компонентой. Немаловажная роль в обеспечении такого своеобразного «диалога» принадлежит Конституционному Суду РФ [17–19], решения которого в системе источников российского права занимают высокое положение [20, с. 381–386]. На наш взгляд, это проявляется, в частности:

– в упоминании в решениях Конституционного Суда РФ международных договоров с участием России (по данным М.А. Амировой, чаще всего в решениях встречаются ссылки на международные пакты о гражданских и политических правах 1996 г. и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.) [21, с. 187];

– в воспроизведении (цитировании) в решениях Конституционного Суда РФ отдельных норм международных договоров с участием России (здесь лидирует Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.);

– в использовании Конституционным Судом РФ правовых позиций Европейского Суда по правам человека или ссылок на его решения, в том числе для усиления аргументации собственных решений [22, с. 280–289];

– в формировании правовых позиций, развивающих смысл норм Конституции РФ, и прежде всего ч. 4 ст. 15.

На последнем тезисе хотелось бы остановиться подробнее. На наш взгляд, все правовые позиции Конституционного Суда РФ в рамках рассматриваемого вопроса можно разделить на две группы. Первые касаются соотношения международных договоров и, главным образом, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. с внутренним правом России. Вторые направлены на оценку правовых позиций Европейского Суда по правам человека, прецедентного характера его решений [23, с. 490–494; 24, с. 302–307] и пределов его юрисдикции.

В первую группу могут быть включены следующие правовые позиции:

– Россия не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции РФ, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, не могут и не должны применяться в ее правовой системе⁸;

– не исключается ситуация, когда международный договор с участием Российской Федерации первоначально соответствовал Конституции РФ, но впоследствии посредством одного лишь толкования был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции РФ; речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела⁹;

– общепризнанные принципы и нормы международного права являются не только составной частью правовой системы России, но и имеют приоритет перед внутренним законодательством¹⁰;

права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административ-

ного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

⁹ Там же.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона “О погребении и похоронном деле” и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // Российская газета. 2007. 4 июля.

– взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке; Конституционный Суд РФ готов к поиску правомерного компромисса, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция РФ¹¹;

– Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не отменяет приоритет Конституции РФ и потому подлежит реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ¹²;

– Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. является самоисполнимым договором и действует в России непосредственно¹³;

– Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. является составной частью российской правовой системы, а потому должна учитываться федеральным законодателем

при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права¹⁴.

Также длительное время дискуссионность представлял вопрос о допустимости проверки на конституционность нормативных правовых актов, посредством которых международные договоры получали официальное одобрение на участие в них Российской Федерации [8, с. 310–315]. В ряде своих решений по данному вопросу в рамках конкретного конституционного нормоконтроля Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой, в частности, федеральный закон о ратификации «направлен на включение международного договора в правовую систему Российской Федерации и сам по себе не может рассматриваться как нарушающий какие-либо конституционные права граждан»¹⁵, из чего следовало определение суда об отказе в принятии жалобы к рассмотрению.

Вторая группа также состоит из нескольких правовых позиций Конституционного Суда РФ:

– Европейский Суд по правам человека только констатирует нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении заявителя, но не вправе принять дальнейшие меры, с тем чтобы устранить его¹⁶;

– к компетенции Европейского Суда по правам человека как субсидиарного по своему характеру межгосударственного судебного органа по разреше-

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 40-О «По жалобе гражданина Жермала Николая Эдуардовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 320 и 323 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и статей 371 и 372 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакас-энерго”, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Варенова Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «О ратификации Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации», а также статьей 17 и пунктами 1 и 2 статьи 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 24 ноября 2016 г. № 2520-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 11. Ст. 1255.

нию конкретных дел не относится осуществление нормоконтроля, т. е. проверка внутригосударственного законодательства на предмет его соответствия Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁷;

– постановления и правовые позиции Европейского Суда по правам человека являются составной частью российской правовой системы, но подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ¹⁸;

– если постановлениями Европейского Суда по правам человека неправомерно – с конституционно-правовой точки зрения – затрагиваются принципы и нормы Конституции РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения Конституции РФ¹⁹;

– Европейский Суд по правам человека, юрисдикция которого также признана Российской Федерацией, не наделен правом пересматривать решения судов или иных органов государств – участников Конвенции²⁰;

– Конституционный Суд РФ не может поддерживать данное Европейским Судом по правам человека толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция РФ (в том числе с учетом ее истолкования Конституционным Судом РФ) более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их понимании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина²¹.

Несмотря на разную содержательную направленность обозначенных правовых позиций, их объединяет несколько общих моментов: акцент на безусловном приоритете Конституции РФ, разграничение нормативного содержания международного договора с участием Российской Федерации и актов официального толкования его норм, а также, как обоснованно отмечено некоторыми исследователями [25, с. 149–165; 26, с. 191–197], стремление к

сохранению конституционной самобытности России в условиях усиливающегося наднационального правового воздействия.

4. Пределы интернационализации отечественного права

Выработанные Конституционным Судом РФ правовые позиции были частично восприняты при принятии масштабных поправок к отечественной Конституции в 2020 г. [27, с. 25]. На уровне собственно конституционного регулирования было воспроизведено правило из Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, вследствие чего ст. 79 была дополнена нормой следующего содержания: «Решения межгосударственных органов, принятые на основе положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». В связи с этим Конституционный Суд РФ был наделен новым полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (пп. «б» п. 5.1 ст. 125). Если учесть возможность признания таких решений частью правовой системы России, как это было сделано в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П в отношении постановлений Европейского Суда по правам человека, то становится очевидной смысловая корректировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ об общепризнанных нормах международного права как сегменте правовой системы страны и определенное ограничение сферы ее действия. В то же время мы наблюдаем охранительную для отечественной Конституции направленность поправок 2020 г. и ранее сформулированных правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Процесс интернационализации не имеет и не может иметь тотального характера, поскольку сдерживается жесткими рамками круга регулируемых международным правом общественных отношений, а также ключевыми правовыми принципами и базо-

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Российская газета. 2014. 3 октября.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

¹⁹ Там же.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 40-О.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П.

выми ценностями российской правовой системы. В международном праве давно сформировался устойчивый перечень сфер и вопросов, регулируемых на наднациональном уровне, а также относительно подвижный круг вопросов [28, с. 87], которые потенциально могут становиться предметом международно-правового регулирования в зависимости от воли государств, которые, в частности, посредством международного договора могут сделать их предметом наднационального правового регулирования. В то же время существует немало сфер общественной и государственной жизни, которые не могут и не должны включаться в предмет международно-правового регулирования и подвергаются исключительно внутригосударственному правовому опосредованию. Например, в конституционном праве значительную долю занимают общественные отношения в сфере организации, функционирования и прекращения деятельности высших органов государственной власти, а также государственно-территориального устройства, которые в принципе не подвержены наднациональному правовому регулированию и традиционно находятся в сфере действия национального права. Во всяком случае всеобщей преградой универсализации конституционного права оказывается, по справедливому мнению В.В. Невинского, «такой предмет конституционно-правового регулирования, как общественные отношения в сфере организации и осуществления государственной власти на основе признания государственного суверенитета, суверенитета народа и верховенства конституции» [29, с. 53]. Равным образом, исключительно внутригосударственную правовую нишу занимают бюджетное право, административный процесс, судебная система, вопросы государственной и муниципальной службы и т. п.

Кроме того, интернационализация в некоторых случаях может вступать в конфликт с государственным суверенитетом России и стремлением к обеспечению неприкосновенности основ конституционного строя и национальных интересов, сохранению конституционной идентичности страны [30]. Поэтому процессам сближения наднационального и национального права, по верному замечанию Н.С. Бондаря, «противостоят процессы конституционно-правовой суверенизации... осознание необходимости защиты суверенных прав, учета, сохране-

ния социокультурных особенностей национально-государственных конституционных систем...» [9, с. 29]. Во многом этой мотивацией и обусловлено большинство указанных правовых позиций Конституционного Суда РФ, выступающего не только своеобразным проводником интернационализации российского права, но и охранителем его незыблемых основ, среди которых суверенитет и высшая юридическая сила Конституции РФ. По верному замечанию видного болгарского ученого Я. Стоилова, «так называемый институт конституционной идентичности по существу предлагает компромисс, реверанс к верховному акту национального права» [31, с. 164]. Собственно, отечественная Конституция и основанные на ней правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ этот реверанс оформляют юридически.

5. Заключение

Итак, по результатам исследования соотношения международного и внутригосударственного права России в контексте нормативного содержания Конституции РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ можно сделать несколько выводов. Во-первых, необходимо признать, что из конституционного правила о примате международных договоров над внутренним правом России возможны исключения, выявленные в ходе развития текущего федерального законодательства и конституционной судебной практики. Во-вторых, все правовые позиции Конституционного Суда РФ по исследуемому вопросу были классифицированы на две группы: по вопросам взаимодействия международных договоров с внутренним правом России и по вопросам оценки правовых позиций Европейского Суда по правам человека и пределов его юрисдикции. В-третьих, ключевыми идеями всех правовых позиций являются безусловный приоритет Конституции РФ, необходимость разграничения нормативного содержания международного договора с участием Российской Федерации и актов официального толкования уполномоченным органом его норм, стремление к сохранению конституционной самобытности России. В известной мере Конституционный Суд РФ формирует заслон на пути массивной интернационализации отечественного права, выступая в качестве гаранта незыблемости Основного закона и национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anichkin E. S. Constitutionally-legal policy as base type of legal policy of Russia / E. S. Anichkin // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – Vol. 11, no. 10. – P. 3907–3914.
2. Hostovsky Brandes T. International law in domestic courts in an era of populism / T. Hostovsky Brandes // *International Journal of Constitutional Law*. – 2019. – Vol. 17, iss. 2. – P. 576–596. – DOI: 10.1093/icon/moz031.
3. Hertogen A. The Persuasiveness of Domestic Law Analogies in International Law / A. Hertogen // *European Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 29, iss. 4. – P. 1127–1148. – DOI: 10.1093/ejil/chy066.
4. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р. В. Енгибарян. – М. : Норма, 2010. – 496 с.
5. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : Международные отношения, 2002. – 448 с.
6. Lerner H. Constitution-making and International Relations Theories / H. Lerner, A. Lupovici // *International Studies Perspectives*. – 2019. – Vol. 20, iss. 4. – P. 412–434. – DOI: 10.1093/isp/ekz007.
7. Марочкин С. Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами / С. Ю. Марочкин // *Юридический мир*. – 2006. – № 4. – С. 16–23.
8. Осминин Б. И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право / Б. И. Осминин. – М. : Инфотропик Медиа, 2010. – 400 с.
9. Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм / Н. С. Бондарь // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 10. – С. 24–35.
10. Тиунов О. И. Общепризнанные принципы и нормы международного права: понятие и их роль в решениях Конституционного Суда РФ / О. И. Тиунов // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всерос. совещ. (Москва, 24 дек. 2002 г.)*. – М., 2004. – С. 62–66.
11. Авдеенкова М. П. Конституционное право в Российской Федерации : курс лекций : в 9 т. / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев. – М. : Весь мир, 2005. – Т. 1 : Основы теории конституционного права. – 384 с.
12. Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И. А. Кравец. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 675 с.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. / под ред. Б. Визера. – М. : Инфотропик Медиа, 2018. – Т. 1. – 868 с.
14. Кох Х. Международное частное право и сравнительное правоведение / Х. Кох, У. Магнус, П. Винклер фон Моренфельс. – М. : Международные отношения, 2003. – 480 с.
15. Аничкин Е. С. Особенности правоприменения в международном частном праве / Е. С. Аничкин // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2011. – № 2/1 (70). – С. 73–80.
16. Барциц И. Н. Международное право и правовая система России / И. Н. Барциц // *Журнал российского права*. – 2001. – № 2. – С. 61–70.
17. Nelaeva G. A. Russia's Relations with the European Court of Human Rights in the Aftermath of the Markin Decision: Debating the "Backlash" / G. A. Nelaeva, E. A. Khabarova, N. V. Sidorova // *Human Rights Review*. – 2020. – Vol. 21, iss. 1. – P. 93–112.
18. Aksenova M. Reinventing or rediscovering international law? The Russian Constitutional Court's uneasy dialogue with the European Court of Human Rights / M. Aksenova, I. Marchuk // *International Journal of Constitutional Law*. – 2018. – Vol. 16, iss. 4. – P. 1322–1346. – DOI: 10.1093/icon/moy088.
19. Blankenagel A. The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: A Reply to Jeffrey Kahn // *European Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 30, iss. 3. – P. 961–969. – DOI: 10.1093/ejil/chz059.
20. Невинский В. В. Место решений Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников конституционного права / В. В. Невинский // *Невинский В. В. Избр. тр. / В. В. Невинский*. – М. : Норма, 2021. – С. 369–387.
21. Амирова М. А. Международные судебные учреждения и внутреннее право Российской Федерации / М. А. Амирова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 215 с.
22. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2013. – 496 с.

23. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марочкин. – М. : Проспект, 2007. – 512 с.
24. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2007. – 400 с.
25. Лукьянова Е. Н. Конституционные риски : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Лукьянова. – М. : Кучково поле, 2015. – 448 с.
26. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
27. Аничкин Е. С. Конституционная модернизация России 2020 года: точечные поправки или ревизия Основного закона? / Е. С. Аничкин // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. – 2020. – № 2 (46). – С. 23–28.
28. Умнова-Конюхова И. А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен / И. А. Умнова-Конюхова // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 81–93. – DOI: 10.31857/S102694520014855-1.
29. Интернационализация конституционного права: современные тенденции : моногр. / под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. – М. : ИГП РАН, 2017. – 224 с.
30. Sakwa R. Russia's Identity: Between the 'Domestic' and the 'International' / R. Sakwa // Europe-Asia Studies. – 2011. – Vol. 63, iss. 6 : Elites and Identities in Post-Soviet Space. – P. 957–975. – DOI: 10.1080/09668136.2011.585749.
31. Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария / под общ. ред. Е. А. Фроловой. – М. : Проспект, 2020. – 584 с.

REFERENCES

1. Anichkin E.S. Constitutionally-legal policy as base type of legal policy of Russia. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, no. 10, pp. 3907–3914.
2. Hostovsky Brandes T. International law in domestic courts in an era of populism. *International Journal of Constitutional Law*, 2019, vol. 17, iss. 2, pp. 576–596. DOI: 10.1093/icon/moz031.
3. Hertogen A. The Persuasiveness of Domestic Law Analogies in International Law. *European Journal of International Law*, 2018, vol. 29, iss. 4, pp. 1127–1148. DOI: 10.1093/ejil/chy066.
4. Engibaryan R.V. *Constitutional development in the modern world. Main tendencies*. Moscow, Norma Publ., 2010. 496 p. (In Russ.).
5. Chirkin V.E. (ed.). *Comparative constitutional law*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2002. 448 p. (In Russ.).
6. Lerner H., Lupovici A. Constitution-making and International Relations Theories. *International Studies Perspectives*, 2019, vol. 20, iss. 4, pp. 412–434. DOI: 10.1093/isp/ekz007.
7. Marochkin S.Yu. What international norms and agreements are subject to application by courts. *Yuridicheskii mir = Legal world*, 2006, no. 4, pp. 16–23. (In Russ.).
8. Osminin B.I. *Conclusion and implementation of international treaties and domestic law*. Moscow, Infotropik Media Publ., 2010. 400 p. (In Russ.).
9. Bondar N.S. The subject of constitutional law in the context of the practice of constitutional justice: stability and dynamism. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2018, no. 10, pp. 24–35. (In Russ.).
10. Tiunov O.I. Generally recognized principles and norms of international law: the concept and their role in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, in: *Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava, mezhdunarodnye dogovory v praktike konstitutsionnogo pravosudiya*, proceedings of all-Russian meeting (Moscow, December 24, 2002), Moscow, 2004, pp. 62–66. (In Russ.).
11. Avdeenkova M.P., Dmitriev Yu.A. *Constitutional law in the Russian Federation*, Course of lectures, in 9 volumes. Moscow, Ves' mir Publ., 2005. Vol. 1: Foundations of the theory of constitutional law. 384 p. (In Russ.).
12. Kravets I.A. *Russian constitutionalism: problems of formation, development and implementation*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 675 p. (In Russ.).

13. Wieser B. (ed.). *Commentary on the Constitution of the Russian Federation*, in 2 volumes. Moscow, Infotopik Media Publ., 2018. Vol. 1. 868 p. (In Russ.).
14. Koch H., Magnus W., Winkler von Morenfels P. *Private international law and comparative jurisprudence*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2003. 480 p. (In Russ.).
15. Anichkin E.S. Features of law enforcement in private international law. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*, 2011, no. 2/1, pp. 73–80. (In Russ.).
16. Bartsits I.N. International law and the legal system of Russia. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*, 2001, no. 2, pp. 61–70. (In Russ.).
17. Nelaeva G.A., Khabarova E.A., Sidorova N.V. Russia's Relations with the European Court of Human Rights in the Aftermath of the Markin Decision: Debating the "Backlash". *Human Rights Review*, 2020, vol. 21, pp. 93–112.
18. Aksenova M., Marchuk I. Reinventing or rediscovering international law? The Russian Constitutional Court's uneasy dialogue with the European Court of Human Rights. *International Journal of Constitutional Law*, 2018, vol. 16, iss. 4, pp. 1322–1346. DOI: 10.1093/icon/moy088.
19. Blankenagel A. The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: A Reply to Jeffrey Kahn. *European Journal of International Law*, 2019, vol. 30, iss. 3, pp. 961–969. DOI: 10.1093/ejil/chz059.
20. Nevinskii V.V. Place of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of systems of constitutional law, in: Nevinskii V.V. *Selected works*, Moscow, Norma Publ., 2021, pp. 369–387. (In Russ.).
21. Amirova M.A. *International judicial institutions and internal law of the Russian Federation*. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2012. 215 p. (In Russ.).
22. Zor'kin V.D. *Law in the context of global changes*. Moscow, Norma Publ., 2013. 496 p. (In Russ.).
23. Marchenko M.N. *Judicial lawmaking and judicial law*. Moscow, Prospekt Publ., 2007. 512 p. (In Russ.).
24. Zor'kin V.D. *Russia and the Constitution in the 21st century. View from Ilyinka*. Moscow, Norma Publ., 2007. 400 p. (In Russ.).
25. Luk'yanova E.N. *Constitutional risks, teaching aids*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 448 p. (In Russ.).
26. Bondar' N.S. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. 544 p. (In Russ.).
27. Anichkin E.S. Constitutional modernization of Russia in 2020: targeted amendments or revision of the Basic Law? *Vestnik Kazakhskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovatsionnogo universiteta = Bulletin of the Kazakh Humanitarian and Legal Innovative University*, 2020, no. 2 (46), pp. 23–28. (In Russ.).
28. Umnova-Konyukhova I.A. Constitutional futurology and constitutional futurism in the context of global changes. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2021, no. 5, pp. 81–93. DOI: 10.31857/S102694520014855-1. (In Russ.).
29. Varlamova N.V., Vasil'eva T.A. (eds.). *Internationalization of constitutional law: modern trends*, Monograph. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., 2017. 224 p. (In Russ.).
30. Sakwa R. Russia's Identity: Between the 'Domestic' and the 'International'. *Europe-Asia Studies*, 2011, vol. 63, iss. 6: Elites and Identities in Post-Soviet Space, pp. 957–975. DOI: 10.1080/09668136.2011.585749.
31. Frolova E.A. (ed.). *Legal science in the modern world: Russia and Bulgaria*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 584 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68
E-mail: rrd231@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5432-8958

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Evgeny S. Anichkin – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head, Department of Constitutional and International Law
Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: rrd231@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5432-8958
ResearcherID: AAB-3885-2019
Scopus AuthorID: 57190570527

ResearcherID: AAB-3885-2019
Scopus AuthorID: 57190570527

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, директор юридического института

Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X
ResearcherID: N-8386-2016
Scopus AuthorID: 57210645825

Усвят Надежда Даниловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридического профилей

Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68

E-mail: oosvyat@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2030-3909

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аничкин Е.С. Интернационализация отечественного права в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации / Е.С. Аничкин, А.А. Васильев, Н.Д. Усвят // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 19–31. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).19-31.

Anton A. Vasiliev – Doctor of Law, Associate Professor, Head, Department of Theory and History of State and Law, Director, Law Institute
Altai State University

68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X
ResearcherID: N-8386-2016
Scopus AuthorID: 57210645825

Nadezhda D. Usvyat – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Economic and Legal Profiles

Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia

E-mail: oosvyat@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2030-3909

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anichkin E.S., Vasiliev A.A., Usvyat N.D. Internationalization of domestic law in the context of legal positions of the Russian Constitutional Court and the Russian Supreme Court. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 19–31. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).19-31. (In Russ.).